

Уголовно-исполнительная деятельность как фактор риска деформаций речевой коммуникации

К. Х. Рахимбердин

*Восточно-Казахстанский университет им. Сарсена Аманжолова
ул. Казахстан, 55, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: matai71@mail.ru*

Статья посвящена исследованию социокультурных, лингвистических проблем чистоты речевой коммуникации в сфере уголовно-исполнительной деятельности. Ориентация данной деятельности на создание условий, необходимых для социальной реинтеграции осужденных, предусматривает решающую роль речевой коммуникации сотрудников органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, и осужденных. Поскольку слова имеют образы и смыслы, их использование отражает не только уровень мышления, но и ценностное отношение человека к окружающему миру, столь значимое в процессе исправления осужденных. В связи с этим в исследовании рассматриваются такие источники опасности деформаций речевой коммуникации, как криминальный сленг (жаргон) и бюрократический канцелярит, нередко используемый как в официальных документах органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, так и в разговорной речи их персонала. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы и приемы (диалектический, описание и др.), а также методы структурно-семантического анализа, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Источниками языкового материала стали научные труды в области филологии и юриспруденции, публикации в научных и периодических изданиях по историко-правовой тематике. Исследование опирается на негативный социокультурный опыт ГУЛАГа, сосредоточение в котором в 30-50-е годы XX века значительного числа заключенных и последующее массовое освобождение лиц, усвоивших криминальные традиции, без надлежащей их ресоциализации, повлияли на широкое распространение криминальной субкультуры в социуме, нашедшей отражение в массовом использовании уголовного жаргона. Обращено внимание на то, что данный жаргон и в настоящее время генерируется средой осужденных и транслируется в общество. Наряду с этим крайне нежелательным явлением выступает бюрократический канцелярит в речевой коммуникации структур уголовно-исполнительной системы, отражающий функционально-инструментальный, обезличенный подход к человеку, проявляющийся, например, в таких словах, как «трудоиспользование», «трудозанятость» осужденных. Сделаны выводы о необходимости обеспечения чистоты речевой коммуникации в уголовно-исполнительной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная деятельность, жаргонизмы, ГУЛАГ, бюрократический канцелярит, осужденный.

Penal Enforcement as a Risk Factor for Deformations in Speech Communication

K. Kh. Rakhimberdin

*Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University
55 Kazakhstan St., 070004, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan. E-mail: matai71@mail.ru*

The article explores the sociocultural and linguistic aspects related to the issue of purity in speech communication within the sphere of penal enforcement. This activity is oriented toward creating the necessary conditions for the social reintegration of convicts, where speech communication between staff of penal enforcement bodies and institutions and the convicts themselves plays a decisive role. Since words carry images and meanings, their use reflects not only the level of thinking but also a person's value-based attitude toward the surrounding world, which is highly significant in the process of rehabilitating convicts. In this regard, the study examines such sources of risk for speech communication deformations as criminal slang (jargon) and bureaucratic officialese, often used both in official documents of penal enforcement institutions and in the informal speech of their personnel.

The methodological basis of the study includes general scientific methods (dialectical, descriptive, etc.), as well as structural-semantic analysis, comparative legal, and historical-legal methods. The language material was drawn from scholarly works in philology and jurisprudence, as well as publications in academic and periodical literature on historical and legal topics. The research builds on the negative sociocultural experience of the GULAG, where the concentration of a large number of prisoners in the 1930s–1950s and their subsequent mass release—without proper resocialization—contributed to the widespread dissemination of criminal subculture

in society, reflected in the mass use of criminal jargon. Attention is drawn to the fact that this jargon is still generated within the convict environment and transmitted to society.

At the same time, bureaucratic officialese in the speech communication of penal enforcement agencies is an extremely undesirable phenomenon, reflecting a functional-instrumental, depersonalized approach to individuals manifested, for example, in terms such as "labor utilization" and "labor employment" of convicts. The study conclusion emphasizes the need to ensure the purity of speech communication in penal enforcement.

Key words: penal enforcement, jargon, GULAG, bureaucratic officialese, convict.

Юристы и филологи уделяют большое внимание проблеме ясности и чистоты речи. Представляется несомненным, что эффективность речевой коммуникации во многом связана как с логичностью и убедительностью речи, так и с ее чистотой и образностью. Чистота речи означает, прежде всего, отсутствие ее засорения жаргоном, выступающим проявлением выражения криминальной субкультуры, «словами-паразитами», канцелярско-бюрократическими штампами. Это имеет непосредственное отношение и к речевой коммуникации, складывающейся в сфере уголовно-исполнительной деятельности. Данная коммуникация осуществляется между персоналом органов и учреждений, исполняющих наказание, и осужденными, среди самих осужденных, а также при взаимодействии сотрудников уголовно-исполнительной системы. Следует отметить, что сама уголовно-исполнительная деятельность таит в себе огромные риски деформаций речевой коммуникации. Подобная деформация, в свою очередь, может самым негативным образом сказываться на процессах социальной реинтеграции осужденных, на их взаимоотношениях с внешним миром, на жизнедеятельности сотрудников пенитенциарных учреждений. Известно, что речь выполняет информационную и коммуникативную функцию. Она обладает выраженным организующим началом, выступая важнейшей предпосылкой осуществления воспитательного, предупредительного, ресоциализирующего воздействия на осужденных.

Одним из серьезных факторов риска для эффективности данной деятельности выступает жаргон, или криминальный сленг. Его широкая распространенность в современном обществе, далеко вышедшая за рамки пенитенциарных учреждений и затронувшая почти все группы современного социума, была не в последнюю очередь связана с феноменом ГУЛАГа и практикой массового применения наказания в виде лишения свободы. Но и в современных условиях среда осужденных продолжает генерировать этот жаргон, который впитывается и другими лицами, так или иначе с этой средой соприкасающимися. Необходимо отметить, что криминальный «арго» выступает составной частью тюремной субкультуры, являясь своего рода ее внешним, языковым выражением. Проблематику тюремной субкультуры, ее генезиса и структуры исследовали различные авторы, среди которых Ю. М. Антонян [Антонян 1994: 120], А. И. Гуров [Гуров 1990: 205], И. И. Карпец [Карпец 1969: 77], В. Н. Кудрявцев [Кудрявцев 2007: 27], Г. Ф. Хохряков [Хохряков 1991: 19] и другие исследователи. Криминальный «арго» выступает неотъемлемой частью тюремной субкультуры и одним из ее атрибутивных элементов, проблематика которых рассматривается в диссертационном исследовании В. А. Анфиногенова [Анфиногенов 2016: 24]. Непосредственно криминологические аспекты тюремного жаргона анализируются в диссертационной работе В. В. Тулегенова [Тулегенов 2003: 26], исходящего из понимания непосредственной связи данного явления с криминальной субкультурой.

Филологической наукой доказано, что образы слов и их внутренние смыслы тесно связаны с мышлением человека, его сознанием и способствуют формированию и закреплению определенных установок, стереотипов поведения. Как пишет С. А. Диканбаева, тюремно-лагерный жаргон активизировался в течение десятилетий в речи заключенных из разных социальных слоев, вынужденных существовать совместно с уголовными преступниками в условиях ГУЛАГа [Диканбаева 2018: 164]. Учитывая то обстоятельство, что исторически среди заключенных ГУЛАГа были не только представители криминальной среды, но и рабочие, крестьяне, интеллигенты, партийные и советские работники, мелкобуржуазные слои, они нередко бессознательно воспринимали криминальный жаргон как составную часть повседневного быта лагерей. В период с 1953 по 1956 год, когда массовое освобождение заключенных из ГУЛАГа напоминало «прорыв плотины», криминальный жаргон широко проник в современное общество и на таком бессознательном уровне стал восприниматься многими гражданами. Сила и влияние гулаговской традиции привели к тому, что этот жаргон оказался воспринятым и постсоветским обществом, в том числе и в Казахстане. Например, он активно используется молодежью. Однако даже публичные политики, известные бизнесмены нередко практикуют речевые обороты с уголовным жаргоном. Так, например, судья Лондонского королевского суда долго не мог понять, о каких «крышах» толкуют ему участники процесса – российские олигархи Б. Березовский и Р. Абрамович. А слова «кинуть», «лаве», «бабки» нередко присутствуют в деловом сленге современных бизнесменов. Очевидно, что абсолютное большинство наших современников, использующих уголовное арго, даже не задумываются о его природе и содержании. Они ведомы лишь представителям преступного мира и компетентным специалистам. Однако от этого уголовный жаргон не становится менее опасным. Он растлевает духовную культуру народа, обедняет и примитивизирует мышление, символически соединяя говорящего с уголовной, преступной средой. Как отмечалось нами ранее, криминальный сленг отражает глубину и устойчивость проникновения гулаговской субкультуры в современное общественное сознание. Одновременно он выступает языковым средством криминализации социума и усвоения преступных квазинорм и ценностей. Представляет существенный интерес справочник по ГУЛАГу, подготовленный Жаком Росси – польско-французским политологом и лингвистом, который был заключенным ГУЛАГа в течение 19 лет [Росси 1991: 376]. Как указывал автор, им использовались материалы правительственных постановлений и решений, опросы заключенных, речевые факты, собранные в период с 1937 по 1961 год в пенитенциарных учреждениях и в ссылке на территории республик Средней Азии. Ж. Росси, проводя свое исследование, сделал вывод о том, что из всех концлагерных систем этого века советский ГУЛАГ был наиболее долговечным, просуществовав 73 года. Однако ГУЛАГ никуда не исчез. Он просто ушел в тень, и одним из показателей его живучести является массовое употребление криминального жаргона. По убийственному

выражению Виктора Гюго, это говор «более близкий к лаю, чем к речи». Уголовное аргю, по мысли Ж. Росси, представляет собой вторичный факт языка, распространению которого способствовало создание огромной сети тюрем и лагерей на территории бывшего СССР. Однако, наряду с уголовным жаргоном, возник и специфически канцелярский, гулаговский, бюрократический язык. Например, на этом языке сущность карательной политики государства раскрывалась как «превращение наиболее скверного людского материала в полноценных активных сознательных строителей социализма» [Авербах 1989: 7]. В этой фразе коробит словосочетание «людской материал». В документах 30-х годов прошлого века использовалась формулировка «бывшие люди», нередко она присутствовала в материалах за подписью наркома внутренних дел Н. И. Ежова, направлявшихся И. В. Сталину. На гулаговском – канцелярском языке «бывшие люди» означали осужденных, принадлежащих к духовенству или к так называемым эксплуататорским классам досоветской России и Казахстана (бывшие дворяне, баи, бии, чиновники, предприниматели и т. п.). До сих пор в ведомственной стилистике используются такие канцеляриты уголовно-исполнительной системы, как «твердо стал на путь исправления», «трудоиспользование» и т. п. По поводу «трудоиспользования» известный исследователь В. А. Уткин справедливо заметил, что в нем просматривается сложившийся еще со времен ГУЛАГа инструментально-функциональный подход к осужденным, когда последние рассматривались преимущественно как средство решения масштабных народно-хозяйственных задач. Такая позиция, помимо прочего, деформирует профессиональное сознание сотрудников уголовно-исполнительной системы, препятствует достижению цели исправления [Уткин 2018: 183]. Негативное влияние канцелярита в уголовно-исполнительной деятельности нельзя недооценивать, поскольку оно данную деятельность дегуманизирует, подрывает ее ценностные основы. В связи с этим заслуживает особого упоминания фундаментальная работа исследователя А. Н. Олейника [Олейник 2001: 418], создавшего целую концепцию разрушительного влияния ГУЛАГа на советское и постсоветское общество. Социолог А. Н. Олейник провел капитальное исследование образа жизни, ценностных ориентаций, особенностей поведения и направленности личности осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях Франции, России и Казахстана. Опыт общения с конкретными людьми – заключенными и сотрудниками пенитенциарных учреждений – позволил ему сделать вывод о существовании малого тюремного сообщества со своей социальной стратификацией и субкультурой, настолько влияющей на «большое» сообщество, что оно способно в своей духовной и социальной жизни воспроизводить и сохранять черты малого тюремного сообщества. Следует согласиться с этим тезисом ученого, поскольку в социальной реальности в нашей стране с ее расслоением общества, несправедливостью в распределении национальных богатств, пренебрежением к народу, коррупцией и произволом ряда представителей политической элиты словно угадываются черты малого тюремного сообщества, формировавшегося в условиях ГУЛАГа. А. Н. Олейник в своем исследовании приводит поразительное высказывание ранее упомянутого Жака Росси о том, что «если мы сравним криминальное аргю 30-50-х годов, то окажется, что до 30 % арготических слов и выражений сохранилось в повседневном русском языке, оказывая таким образом воздействие на наше восприятие окружающего мира» [Олейник 2001: 5]. Если вдуматься, то это страшная цифра, означающая проникновение криминальной, гулаговской субкультуры в языковую среду общества и оказание разрушительного влияния на его мышление, ментальность, систему ценностных ориентаций. Поэтому преодоление наследия ГУЛАГа необходимо для сохранения духовного здоровья народа, для безопасности нравственных основ его жизнедеятельности.

Подводя итог изложенному, нельзя не отметить, что преодоление рисков деформаций речевой коммуникации при осуществлении уголовно-исполнительной деятельности тесно связано с искоренением разрушительного влияния криминального сленга. Одновременно это связано и с превенцией других угроз речи, обусловленных, например, аргю, который используется в среде религиозных экстремистов ваххабитского толка. Противостояние этим рискам в сфере речевой коммуникации будет способствовать не только более успешной социальной реинтеграции осужденных, но и уменьшению рисков профессиональных деформаций личности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Литература

- Авербах И. От преступления к труду / Новый мир. - 1989. - № 8. - С. 7-18.
Антонян Ю. М. Преступная жестокость. М., 1994.
Анфиногенов В. А. Субкультура осужденных и её влияние на их поведение в условиях изоляции: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Саратов, 2016.
Диканбаева С. А. Политический дискурс советского общества периода ГУЛАГа / Актуальные проблемы современности. - 2018. - № 1 (19). - С. 164-176.
Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969.
Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 2007.
Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. Издание 2-е, дополненное. М., 1991.
Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2003.
Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск, 2018.
Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. Проблемы, дискуссии, предложения. М., 1991.

References

- Averbakh, I. (1989). From Crime to Labor. *Novy Mir*, 8, 7–18 (in Russian).
Antonian, Yu. M. (1994). *Criminal Cruelty*. Moscow (in Russian).

-
- Anfinogenov, V. A. (2016). The Subculture of Convicts and Its Influence on Their Behavior in Conditions of Isolation: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. Saratov (in Russian).
- Dikanbayeva, S. A. (2018). The Political Discourse of Soviet Society during the GULAG Period. *Current Issues of Modernity*, 1 (19), 164–176 (in Russian).
- Karpets, I. I. (1969). *The Problem of Crime*. Moscow (in Russian).
- Kudryavtsev, V. N. (2007). *Causality in Criminology*. Moscow (in Russian).
- Oleynik, A. N. (2001). *Prison Subculture in Russia: From Everyday Life to State Power*. Moscow (in Russian).
- Rossi, J. (1991). *Reference Book on the GULAG*. In two parts. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow (in Russian).
- Tulegenov, V. V. (2003). Criminal Subculture and Its Criminological Significance: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. Rostov-on-Don (in Russian).
- Utkin, V. A. (2018). *Problems of the Theory of Criminal Punishments: Course of Lectures*. Tomsk (in Russian).
- Khokhryakov, G. F. (1991). *Paradoxes of Prison: Problems, Discussions, Proposals*. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Рахимбердин К. Х. Уголовно-исполнительная деятельность как фактор риска деформаций речевой коммуникации // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 116-119.

Rakhimberdin K. Kh. (2025) Penal Enforcement as a Risk Factor for Deformations in Speech Communication. *Legal Linguistics*, 37, 116-119.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---